

Оноре де Бальзак

Делец

Перевод с французского
Евгения Гунста

ФТМ

Оноре Бальзак

Делец

«ФТМ»

Бальзак О. д.

Делец / О. д. Бальзак — «ФТМ»,

В комедии «Делец» изображается битва человека с кредиторами и уловки, к которым он прибегает, чтобы ускользнуть от них. С большой сатирической остротой изображает автор окружение Меркаде: темных дельцов, биржевых зайцев, ростовщиков, аферистов – словом, всю накипь буржуазного общества.

Содержание

Действие первое	6
Явление первое	6
Явление второе	9
Явление третье	12
Явление четвертое	13
Явление пятое	14
Явление шестое	15
Явление седьмое	17
Явление восьмое	19
Явление девятое	21
Явление десятое	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Оноре де Бальзак

Делец

Комедия в пяти действиях

Действующие лица:

Огюст Меркаде, делец.
Г-жа Меркаде.
Жюли, их дочь.
Адольф Минар, бухгалтер.
Мишонен де ла Брив, молодой франт.
Де Мерикур, молодой человек.
Бредиф, домовладелец.
Бершю, биржевой заяц.
Верделен, друг Меркаде.
Гуляр, коммерсант, кредитор Меркаде.
Пьеркен, ростовщик, кредитор Меркаде.
Виолет, деловой посредник, кредитор Меркаде.
Жюстен, лакей.
Тереза, горничная.
Виржини, кухарка.

Действие происходит в 1839 году. Сцена представляет гостиную Меркаде.

Действие первое

Явление первое

Бредиф, потом Меркаде.

Бредиф. Квартира в одиннадцать комнат, в самом центре Парижа, на улице Грамон! И всего за две с половиной тысячи! На этом деле я теряю по три тысячи в год... И так с самой Июльской революции! Ах, главное неудобство революций – это резкое падение квартирной платы, которая... Нет, не следовало мне заключать контракта в тысяча восемьсот тридцатом году! К счастью, Меркаде не платит за квартиру уже полтора года, мебель описана, а если продать ее...

Меркаде (*слышавший последние слова*). Продать мою мебель! Вы и встали-то, должно быть, спозаранку только для того, чтобы насолить своему ближнему?

Бредиф. Боже упаси, какой же вы мне ближний, господин Меркаде? Вы весь в долгах, а я никому ни гроша не должен. Я в своем собственном доме, а вы – мой жилец.

Меркаде. Да, равенство было и останется пустым звуком! Мы так и будем вечно разбиты на две касты: на должников и кредиторов, которых так остроумно прозвали англичанами¹. Ну, будьте же французом, дорогой господин Бредиф, – и помиримся на этом!

Бредиф. Я предпочел бы помириться на получении денег, дорогой господин Меркаде.

Меркаде. Из всех моих кредиторов вы один располагаете залогом... так сказать, реальным залогом. В течение полутора лет вы тщательнейшим образом, вещь за вещью, описали всю мою обстановку. Она даст вам не менее пятнадцати тысяч, а посему квартирную плату за два года я буду должен лишь... через четыре месяца.

Бредиф. А проценты? Значит, пропадают?

Меркаде. Добивайтесь через суд. Я не буду противодействовать.

Бредиф. Дорогой мой господин Меркаде, я ведь спекуляциями не занимаюсь. Я довольствуюсь своими доходами; подумайте-ка, если бы все жильцы мои были вроде вас... Да что тут толковать. Довольно я терпел...

Меркаде. Как, дорогой господин Бредиф? Неужели у вас действительно хватит жестокости выгнать меня? Я живу у вас уже одиннадцать лет! Вы знаете все мои горести, вы видели, как я бился... Наконец, для вас не секрет, что я стал жертвой мошенничества, что Годо...

Бредиф. Уж не собираетесь ли вы еще раз изложить историю бегства вашего компаньона? Мне она известна и всем вашим кредиторам тоже. Кроме того, господин Годо...

Меркаде. Годо! Ах, когда стали выводить в романах знаменитого Робера Макэра², я было подумал, уж не списали ли его авторы с Годо.

Бредиф. Не оговаривайте зря своего компаньона! Годо был человек редкостной энергии и к тому же умел пожить! Состоял в связи с милой женщиной... просто прелестной...

Меркаде. Прижил от нее ребенка и бросил его...

Бредиф. Так ведь Дюваль, ваш бывший кассир, внял мольбам очаровательной дамы и взял юношу к себе.

Меркаде. А Годо взял себе нашу кассу.

¹ ...англичане – старинное народное прозвище жестоких кредиторов.

² Робер Макэр – герой пьесы Антье, Сент-Амана и Полианта «Адретская гостиница»; тип пройдохи, хвастуна, вора и убийцы.

Бреди́ф. Он позаимствовал у вас полтораста тысяч франков... силою, правда, но зато оставил вам все прочие ценности... и вы могли продолжать дела... А за восемь лет вы добились многого. На вашей стороне победа...

Мерка́де. Пиррова победа! Для нас, деловых людей, это не в диковинку.

Бреди́ф. Но ведь господин Годо обещал принять вас равноправным компаньоном в дело, которое он намерен основать в Индии. Он вернется...

Мерка́де. В таком случае подождите. Ведь сверх квартирной платы вы получите еще и проценты, – чем же плохое помещение капитала?

Бреди́ф. Ваши доводы весьма убедительны. Но если бы домовладельцы стали слушать своих жильцов, то жильцы расплачивались бы одними посулами, однако правительство...

Мерка́де. При чем тут правительство?

Бреди́ф. Правительство требует уплаты налогов, от него посулами не отделаешься. А потому я, к великому моему сожалению, вынужден действовать решительно.

Мерка́де. Не может быть! А я-то считал вас таким добряком! Разве вы не знаете, что я выдаю дочь замуж? Дайте устроить свадьбу, я вас приглашу... хорошо? Супруга ваша потанцует... Может быть, я завтра же рассчитаюсь с вами!

Бреди́ф. То завтра, а то сегодня. Мне отнюдь не хочется вспугнуть вашего зятя... Однако третьего дня вы, кажется, получили некоторую сумму, и если вы не заплатите мне нынче же, – завтра будут назначены торги...

Мерка́де. Значит, вы намерены продать мне свое благодеяние, ибо с помощью этой описи вы обезвреживаете остальных моих кредиторов. Так сколько же вы желаете за трехмесячную отсрочку?

Бреди́ф. Строгая щепетильность, пожалуй, возроптала бы против такого сообщничества, пусть невольного, ибо я помогаю вам вводить в заблуждение...

Мерка́де. Кого?

Бреди́ф. Вашего будущего зятя.

Мерка́де *(в сторону)*. Экий плут!

Бреди́ф. Но я человек добрый, откажитесь от права сдавать квартиру от себя – и я на три месяца оставлю вас в покое.

Мерка́де. Человек в беде, словно ломоть хлеба, брошенный в рыбный садок: каждая рыба норовит урвать себе кус. А кредиторы – настоящие щуки. И уgomонятся они только тогда, когда сам должник исчезнет, как кусочек хлеба. Сейчас как будто тысяча восемьсот тридцать девятый год. Следовательно, контракту моему осталось еще семь лет; квартирная плата теперь удвоилась...

Бреди́ф. К счастью для нас.

Мерка́де. Итак, через три месяца вы меня выгоните, и жена моя лишится права сдать квартиру, на что она рассчитывает в случае...

Бреди́ф. Банкротства!

Мерка́де. Что за выражение! Порядочные люди его просто слышать не могут! Знаете ли вы, господин Бреди́ф, что развращает даже самых честных должников? Сейчас скажу: развращает их коварная ловкость иных кредиторов, которые готовы всячески обходить законы, чуть ли не воровать, лишь бы вернуть хоть жалкие гроши...

Бреди́ф. Сударь, я явился к вам за деньгами, а не за рассуждениями, нестерпимыми для человека честного.

Мерка́де. О, долги! Люди считают, что долги чуть ли не хуже преступления... Но преступление хоть дает вам казенный кров, а долг выкидывает вас вон, на улицу. Я заблуждался, сударь. Действуйте, как знаете. Я откажусь от права сдавать комнаты.

Бреди́ф (*в сторону*). Согласись он по доброй воле, я пощадил бы его. Но заявить прямо в глаза, что я ему продаю... (*Вслух.*) Сударь, подобное согласие меня не удовлетворяет... Не такой я человек, чтобы мучить других.

Мерка́де. Вы хотите, чтобы я вас еще и благодарил? (*В сторону.*) Не стоит его сердить. (*Вслух.*) Быть может, я погорячился, дорогой господин Бреди́ф, но меня так жестоко преследуют! И ни один из моих кредиторов не желает понять, что борюсь я именно для того, чтобы иметь возможность расплатиться с ним.

Бреди́ф. То есть чтобы иметь возможность вести дела...

Мерка́де. Не спорю, сударь! Что случилось бы со мною, если бы я лишился права бывать на бирже?

В дверях показывается Жюстен.

Бреди́ф. Покончим же с делом...

Мерка́де. Ради бога ни слова при слугах. Я и так с трудом поддерживаю порядок в доме... Спустимся к вам.

Бреди́ф (*в сторону*). Итак, через три месяца квартира моя.

Явление второе

Жюстен, потом Виржини и Тереза.

Жюстен. Экий бедняга господин Меркаде! Как ни барахтайся – все равно потонет! Хотя и прибыльно служить у господ, попавших в беду, однако теперь самое время уходить, то есть добиться, чтобы тебя выгнали вон; ведь мне не платят жалованье целый год. А домо-владелец, кажется, собирается вытурить нас всех на улицу. Неуважение к хозяину распространяется и на слуг. Теперь хочешь не хочешь, а рассчитывайся за все покупки наличными. Это мне совсем не с руки.

Тереза. А когда же этому конец, господин Жюстен?

Виржини. Приходилось мне служить у разных господ, а такой семейки я еще не видывала. Брошу-ка я сковороды да кастрюли и пойду в театр комедии представлять.

Жюстен. А здесь чем не театр? С утра до вечера комедии разыгрываем...

Виржини. И то правда! То кредитор явится. Изволь тогда изображать удивление, словно ты с луны свалилась: «Как, сударь, да разве вы не знаете?» «Чего не знаю?» «Что господин Меркаде уехали в Лион». «Уехал?» «Да, у них там очень выгодное дело; они открыли залежи каменного угля». «Тем лучше, тем лучше! А когда же он вернется?» «Вот этого мы не знаем». То прикинешься, будто потеряла самое дорогое на свете...

Жюстен (*в сторону*). То есть деньги.

Виржини. «Хозяин и дочка в большом горе. Говорят, барыня долго не протянет, ее повезли на воды...» «Ах, вот как?»

Тереза. А у меня для всех одна песенка: «Вам нужен господин Меркаде?» «Да, мадемуазель». «Нет его!» «Как нет?» «Так вот и нет, а если вы к мадемуазель, – так она одна». И кредитор наш наутек! Бедняжка барышня. Будь она у нас покрасивее, из нее можно бы сделать... кое-что.

Жюстен. Беда в том, что иной кредитор говорит с нами так, словно мы хозяева.

Виржини. Не пойму, какая такая выгода быть кредитором? Как посмотришь – ходят они, ходят, бегают, горемычные, высуня язык, караулят барина по целым часам не шелохнувшись, слушают, что он им говорит.

Жюстен. Нет, не скажите. Ремесло неплохое! Все они богачи!

Тереза. Как же так? Ведь они дали свои денежки господину Меркаде, а он их не возвращает.

Виржини. Так это же – воровство!

Жюстен. Брать займы еще не значит воровать, Виржини. Это выражение грубое. Слушайте! Скажем, я залезу к вам в карман без вашего ведома – вот это будет воровство. Но если я прямо скажу: «Виржини, мне нужно пять франков; одолжите их мне». Вы их мне дадите, а я вам не возвращаю денег, я нахожусь в стесненных обстоятельствах и отдам их вам позже; вот вы и становитесь моей кредиторшей. Поняли, красавица?

Виржини. Нет. Что хотите говорите, а денежки мои вы все равно у меня отобрали. Вот мне причитается жалованье – пойду сейчас и потребую его, да кстати и по заборной книжке счет подведу. Теперь уж и лавочники не хотят товар отпускать без денег. А своих я не одолжу, держи карман шире.

Тереза. Я тут разок-другой надерзила барыне, а она будто и не слышит.

Жюстен. Давайте потребуем, чтобы нам заплатили жалованье.

Виржини. Да разве это господа? Настоящие господа на стол много тратят.

Жюстен. И к слугам своим привязаны.

Виржини. И назначают им по завещанию пенсию. Вот какие бывают настоящие господа... в отношении слуг...

Тереза. Здорово сказано, кума. Ну, а я отсюда пока уходить не собираюсь. Хочу узнать, чем все это кончится, – больно уж занятно. Барышнины письма я все читаю, милого ее подзадориваю – она, небось, выйдет за него, за Минара-то. И отец, небось, уж знает. Недаром заказали платья, чепцы, шляпки – словом, всяких нарядов и для барыни и для дочки, а купцы-то ничего в долг и не отпускают.

Виржини. Если будет свадьба, так все мы получим наградные; значит, уходить до свадьбы расчета нет.

Жюстен. Неужто вы думаете, что господин Меркаде выдаст дочку за этого счетоводишку? Хорош жених, получает-то каких-нибудь полтора фанков в месяц! (*Читает газету.*)

Тереза. Как бог свят выдаст. Уж так они обожают друг дружку. Барыня вечерами дома не сидит, так она и знать ничего не знает. Минар приходит, когда барышня остается одна, а как они меня в свои дела не посвятили, я норовлю войти к ним, нарочно мешаю, подслушиваю. Ну, они настоящие паиньки! Барышня-то у нас дурнушка, вот ей и хочется, чтобы ее любили ради ее самой. Сидит, фарфор расписывает, а кавалер ей в это время книжку читает, третий месяц одну и ту же. Зато барышня всегда вправе сказать: «Мамаша, господин Минар, мол, приходил вас проведать; а я его вместо вас приняла».

Виржини. Ты слышала, о чем они говорят?

Тереза. Еще бы не слышать! Барышня боится, как бы чего не вышло, и поэтому дверей не затворяет.

Виржини. Хотелось бы мне знать, о чем это говорят господа, когда ухаживают.

Тереза. Всякий вздор мелют! Все больше о возвышенном.

Жюстен. Ловко сказано!

Тереза. Я вот списала одно его письмо... может, и мне когда пригодится.

Виржини. А ну-ка прочти.

Тереза. «Ангел мой...»

Виржини. Поди ж ты – «ангел»!

Тереза. Ох, как обнимут вас да как скажут: «Ангел мой», – вот приятно!.. «Ангел мой, да, я люблю вас; но любите ли вы меня, можете ли любить такое обездоленное существо, как я? Вы полюбили бы меня, если бы знали, сколько любви таится в душе отверженного до сей поры юноши, для коего любовь – единственное его достояние. Вчера я прочел на вашем челе лучезарную надежду: я поверил в грядущее счастье; мои сомнения вы превратили в уверенность, мою слабость – в силу – словом, взоры ваши излечили меня от недуга сомнений!...»

Виржини. Прямо в голове путается, ничего и не поймешь. Да разве влюбленные так мямлят. Влюбленный без обиняков выражается. Вот, скажем, я получила письмецо от одного красавчика; должно быть, он студент из Латинского квартала. Тут таинственности никакой нет, все ясно, так что и обидеться нельзя. Я его наизусть выучила: «Очаровательница! (Это почище вашего «ангела»!) Очаровательница! Не откажите мне в свидании, заклинаю вас! Любой на моем месте написал бы, что ему нужно сказать вам тысячу разных разностей. Я же скажу лишь одно, зато скажу тысячу раз, если вы только не остановите меня на первом же разе». И подписано! «Ипполит».

Жюстен. Ну, и что же он говорил? Остановили вы его?

Виржини. Да я его больше и не видела. Он меня поджидал в «Хижине»³, узнал, кто я такая, и, дурак эдакий, посоветился моего хвартука.

³ «Хижина» – зал для публичных балов в Париже и сад при нем.

Жюстен. А вот послушайте, что рассказал мне папаша Грюмо! Вчера, пока мы бегали по поручениям, сюда в кабриолете приехали два каких-то вертопраха; их грум сообщил папаше Грюмо, что один из этих господ собирается жениться на мадемуазель Меркаде. А наш-то барин дал папаше Грюмо на чай сто франков!

Виржини и Тереза (*в изумлении*). Сто франков!

Жюстен. Да, сто франков, не пообещал, а дал наличными! Ну, понятно, у папаши Грюмо язык развязался, он и сообщи груму-то, будто случайно проболтался, что хозяин наш до того богат, что даже сам не знает, сколько у него капитала.

Виржини. Это, надо полагать, те самые молодые люди в желтых перчатках и в шелковых жилетах с цветочками, нарядные этикие жилеты; кабриолет блестит, словно атлас, а у лошади вот тут (*показывает на ухо*) нацеплены розы. Вожжи держал мальчонка лет восьми, белокурый такой, кудрявенький, в сапожках с отворотами; этакий постреленок, и уж избалованный же... Чистый херувимчик, белье на нем белоснежное, а ругается, что твой извозчик. А хозяин его – уж такой прекрасный молодой человек, в галстуке вот какие большие бриллианты, – так он тебе и женится на нашей барышне! Да подите вы!..

Тереза. Ни в жизнь не женится! Да у нее на лице написано: я, мол, бесприданница! Подите вы!

Виржини. Зато поет хорошо. Иной раз слушаешь ее, и так приятно становится. Хотелось бы мне научиться петь, как она: «Тяготит меня богатство».

Жюстен. Вы не знаете господина Меркаде!.. Я служу у него уже шесть лет, видел я, как он, разорившись, отбивается от кредиторов, и считаю, что он способен на все, даже разбогатеть может... Только подумаю: «Ну, пропал!» – на всех дверях объявления о торгах; повесток пришлют столько, что выкинь я половину, он бы и не заметил, а он, гляди, опять вынырнул, всех одолел. Уж очень горазд на выдумки! Вы-то газет не читаете! А он там каждый день новое пишет: то деревянные мостовые, то еще какие-то; герцогства, мельницы и даже прачечные – и все на паях... Ловкач, доложу вам! Никак не пойму, где в его суме прореха. Уж сколько он ее ни наполняет, – а она ничего не держит, словно треснутый стакан. С вечера ложится спать, так ровно мертвец, а наутро, глядишь, просыпается миллионером, если только он вообще ночью спал; ведь он страсть сколько работает: считает, высчитывает, пишет разные объявления, – ну пайщики и попадают вроде как в волчий капкан; но сколько дел он ни заводи – кредиторы у нас не переводятся, он их за нос водит, он ими как хочет вертит. Иной раз видишь: пришли. Ну, кажется, все с собой унесут, самого его в тюрьму засадят. А он поговорит с ними... и под конец вместе хохочут и расходятся закадычными друзьями. Сначала кредитор вопит не своим голосом, грубит, а уходит, так барина «дорогой мой Меркаде» называет, руку ему жмет. Уж если человек умеет усмирить такого, как Пьеркен...

Тереза. Прямо тигр, одни тысячефранковые кредитки жрет.

Жюстен. Несчастного дядюшку Виолета...

Виржини. Ах, горемыка! Каждый раз думаю, надо бы его тарелкой супа попотчевать.

Жюстен. Гуляра!

Тереза. Гуляра? Да Гуляр и с меня не прочь бы процент получить.

Жюстен. Что ж, он мужчина богатый, холостой! Так почему бы вам...

Виржини. Барыня идет!

Жюстен. А ну, постараемся осторожненько разузнать что-нибудь о сватовстве.

Явление третье

Те же и г-жа Меркаде.

Г-жа Меркаде. Где барин?

Тереза. Вы, барыня, сами оделись и мне не позвонили?

Г-жа Меркаде. Я увидела, что господина Меркаде нет, взволновалась и... Жюстен, вы не знаете, где барин?

Жюстен. Я вошел в комнату, когда барин разговаривал с господином Бредифом и они...

Г-жа Меркаде. Хорошо, хорошо.

Жюстен. Барин еще не выходил из дому.

Г-жа Меркаде. Спасибо.

Тереза. Вы, барыня, видно, убиваетесь, что торговцы ваших заказов не исполняют?

Виржини. А знаете ли вы, барыня, лавочники-то больше не...

Г-жа Меркаде. Да, да, понимаю.

Жюстен. Всеу виною кредиторы. Ах, кабы знал я, какую с ними шутку сыграть!

Г-жа Меркаде. Самое остроумное – с ними рассчитаться.

Жюстен. Вот бы они удивились!

Тереза. И огорчились бы! Не знали бы, как время убить.

Г-жа Меркаде. Я не хочу скрывать от вас, что дела моего мужа очень меня беспокоят. Нам, несомненно, понадобятся люди преданные. Надеюсь, мы можем рассчитывать на вас?

Все. Ах, барыня...

Г-жа Меркаде. Барину необходимо выиграть время; в голове у него множество проектов... Исполняйте в точности все его приказания.

Тереза. Еще бы, барыня! Мы с Виржини готовы для вас и в огонь и в воду...

Виржини. Я тут только что говорила, какие, говорю, хорошие у нас господа; вот только бы они разбогатели, а тогда, небось, не забудут, как мы помогали им в беде.

Жюстен. А я говорил, что, пока у меня будет чем жить, никуда я отсюда не уйду; я предан барину всей душой, и я уверен: когда ему подвернется настоящее выгодное дельце, он нас не обойдет.

Показывается Меркаде.

Г-жа Меркаде. Он даст вам место в первом же своем солидном предприятии; нужно только еще одно последнее усилие. Но сейчас нам ни в коем случае нельзя показывать, что мы без денег; барышне представляется богатая партия.

Тереза. Барышня наша заслужила счастье. Бедняжка! Уж такая она добрая, уж такая ученая, такая воспитанная.

Виржини. А талант-то какой. Соловей, да и только!

Жюстен. Прямо-таки злодейство, так обездоливать девушку, отказывать ей в лишнем платье и лишней шляпке. Вам тут, Тереза, не помочь! Вот если барыня скажет мне имя жениха, я обойду всех наших поставщиков и ловко намекну им, что направлю к ним господина... господина...

Г-жа Меркаде. Де ла Брива.

Жюстен. Господина де ла Брива насчет свадебных подарков, и они дадут.

Тереза. А ведь вы, барыня, ничего мне об этом сватовстве не говорили; я бы всего добилась, – Жюстен дело говорит.

Виржини. Что и толковать! На эту удочку все попадутся.

Г-жа Меркаде. Они и получают всё до последнего гроша.

Явление четвертое

Те же и Меркаде.

Меркаде (*шепотом жене*). Так вот как вы разговариваете с прислугой! Да они завтра же начнут вам грубить! (*Жюстену.*) Жюстен, немедленно отправляйтесь к господину Верделену и попросите его прийти ко мне по делу, не терпящему отлагательства. Скажите это потуманнее, мне непременно нужно, чтобы он пришел. А вы, Тереза, сходите-ка еще раз ко всем барыниным поставщикам и скажите, да построже, чтобы они доставили все заказы... Мы с ними рассчитаемся... да, наличными. Ступайте!

Жюстен и Тереза уходят.

Явление пятое

Г-жа Меркаде, Виржини и Меркаде.

Меркаде (*Виржини*). А вам барыня дала распоряжения?

Виржини. Нет еще, сударь, не давали.

Меркаде. Сегодня постарайтесь не ударить лицом в грязь. К обеду мы ждем четырех человек: Верделена с супругой, господина де Мерикура и господина де ла Брива. Итого нас будет семеро. Такой обед – радость для настоящей поварихи. После супа подадите рыбу, – да получше, затем четыре легких блюда, но приготовьте их на славу!

Виржини. Барин...

Меркаде. На жаркое...

Виржини. Барин, лавочники...

Меркаде. Что такое? Вы толкуете мне о каких-то лавочниках в день смотрин моей дочери!

Виржини. Да они не желают больше ничего отпускать.

Меркаде. Обратитесь тогда к их конкурентам, скажите, что отныне они будут моими поставщиками, – и вы еще сами получите от них подарки.

Виржини. А с прежними-то как же быть?

Меркаде. Об этом не беспокойтесь. Пусть пеняют на себя.

Виржини. Ну, а если они потребуют уплаты... А впрочем, мое дело – сторона...

Меркаде (*про себя*). У нее денежки водятся. (*Вслух.*) В наши дни, Виржини, кредит – единственное достояние правительств. Если кредиторы не оставят меня в покое, они тем самым докажут, что не знают законов своей собственной страны, что они просто заядлые радикалы. Не говорите мне об этих людях, они подрывают жизненную основу всех... благоустроенных государств. Вот вам случай показать товар лицом: докажите, что вы искусная повариха. Когда же после свадьбы моей дочери вы будете проверять счета и окажется, что барыня должна вам, я сам оплачу все.

Виржини. Барин...

Меркаде. Ступайте! И в накладе вы не останетесь – даю вам десять процентов за шесть месяцев. Это лучше сберегательной кассы.

Виржини. Да она и пяти на сто в год не дает.

Меркаде (*жене*). Говорил же я вам! (*Виржини.*) Как! Вы вверяете свои деньги в чужие руки? Разве у вас не хватит сметки самой пустить их в оборот? К тому же здесь ваша кубышка всегда была бы у вас под руками.

Виржини (*про себя*). Десять франков каждые полгода! (*Вслух.*) Ну, о жарком барыня мне еще скажут. Пойду завтрак готовить. (*Уходит.*)

Явление шестое

Меркаде и г-жа Меркаде.

Меркаде (*глядя вслед Виржини*). У этой девицы в сберегательной кассе по меньшей мере тысяча экю... украденных у нас; а потому на сей счет мы теперь можем быть совершенно спокойны...

Г-жа Меркаде. Сударь, до чего же вы дошли?

Меркаде. Я просто диву даюсь! Вам живется совсем не плохо, чуть ли не ежедневно бываете в театре или в свете с вашим другом Мерикуром, и вы еще...

Г-жа Меркаде. Но ведь вы сами просили его сопровождать меня.

Меркаде. Не могу же я заниматься одновременно и женою и делами. Короче говоря, вы разыгрываете из себя светскую женщину, красавицу...

Г-жа Меркаде. Вы сами так велели.

Меркаде. Конечно. Так нужно. Для дельца жена – вывеска... Когда вы появляетесь в опере в новом ожерелье, публика говорит: «Ага, с «Асфальтовыми» крепко», или же: «Хранитель семей» идет на повышение, смотрите, как изящно одета госпожа Меркаде. Вот-то счастливы!» Если с божьей милостью военный министр одобрит мой проект о замещении должностей – вы получите выезд.

Г-жа Меркаде. Неужели вы думаете, Огюст, что мне безразличны ваши волнения, ваша борьба, ваша честь?

Меркаде. Ну, в таком случае, не осуждайте средств, к которым я прибегаю. Вот только что вы пробовали подействовать на прислугу ласкою, а людям надо приказывать... кратко, по-наполеоновски.

Г-жа Меркаде. Приказывать, когда не платишь!

Меркаде. Вот именно! Расплачивайтесь смелостью.

Г-жа Меркаде. Ласкою можно добиться услуг, которых не добьешься строгостью...

Меркаде. Ласкою! Хорошо же вы знаете наше время! Ныне, сударыня, чувства упразднены, их вытеснили деньги. Остается одна лишь корысть, ибо семьи больше нет, существуют только отдельные личности. Судите сами. Будущность каждого – в той или иной общественной кассе. Дочь обращается теперь за приданым не к родителям, а просит ссуду в кассе взаимного вспомоществования. Наследство английского короля было помещено в страховое общество. Жена уже рассчитывает не на мужа, а на сберегательную кассу! Свой долг отечеству выплачивают при посредстве контор, занимающихся банковскими операциями. Словом, все наши обязанности сводятся к купонам. Слуги, которых сменяют, как хартии⁴, не привязываются ныне к господам: они будут вам преданы, только если вы держите у себя их деньги!

Г-жа Меркаде. Ах, сударь, вы – такой честный, такой достойный человек, а говорите иногда вещи, которые...

Меркаде. Кто осмеливается говорить, тот осмеливается и действовать, вы это имели в виду? Что ж, я сделаю все, что может меня спасти, ибо (*вынимает из кармана монету в пять франков*) вот она, нынешняя честь! Сумейте уверить покупателя, что ваша известь – сахар, и, если вам удастся при том разбогатеть, не возбудив нареканий, вы станете депутатом, пэром Франции, министром. Знаете, почему драмы, героями которых являются преступники, привлекают столько зрителей? Да потому, что зрителю лестно, зритель думает: «А я все же лучше этих негодяев». Но мне, мне лично, это простительно. Я несу бремя преступ-

⁴ ...сменяют, как хартии... – намек на частые смены политических режимов во Франции той эпохи.

ления Годо. Да разве позорно быть должником? Найдется ли хоть одно государство в Европе, не имеющее долгов? Найдется ли хоть один человек, который не сошел бы в могилу неоплатным должником собственного своего отца? Ведь отцу он обязан жизнью, а расплатиться с ним тем же он не может. Земля – постоянный банкрот перед солнцем. Жизнь, сударыня, это вечный заем. Но не всякий умеет занимать. Разве я не выше своих кредиторов? Их деньги у меня, а моих они еще ждут; я ничего у них не прошу, а они ко мне пристают. О человеке, который никому не должен, никто и не думает, а мои кредиторы ежечасно помнят обо мне.

Г-жа Меркаде. Слишком даже помнят! Брать в долг и расплачиваться – еще куда ни шло, но брать в долг и не быть в состоянии расплатиться, занимать, когда знаешь, что не имеешь возможности отдать... Не решаюсь даже сказать, что я об этом думаю.

Меркаде. Вы думаете, что здесь уже начинается...

Г-жа Меркаде. Боюсь, что так.

Меркаде. Значит, вы перестали уважать меня, своего...

Г-жа Меркаде. Я уважаю вас по-прежнему, но я не могу спокойно видеть, как вы изнуряете себя тщетными усилиями. Я восхищаюсь широтой ваших замыслов, но мне больно слушать шутки, которыми вы стараетесь заглушить голос совести.

Меркаде. Нытик на моем месте давно бы уж утопился. Но ведь целым коробом печали нельзя оплатить и грошового долга. А ну-ка скажите мне, где в коммерческом мире начало и где конец честности? Вот мы сейчас без средств... неужели всем и каждому объявлять об этом?

Г-жа Меркаде. Разумеется, нет.

Меркаде. Так разве это не обман? Знай люди о наших обстоятельствах, никто бы не дал нам ни гроша. Так не осуждайте те средства, к которым я прибегаю. Я хочу сохранить свое место за зеленым столом спекуляции, уверить всех в своей финансовой мощи. Доверие всегда предполагает обман. Вы должны помочь мне скрыть нашу нищету под блеском внешней роскоши. Декорации всегда требуют машин, а ведь машины всегда чем-нибудь да измазаны. Будьте покойны – многие из тех, кто имеет основания быть недовольными мною, сами поступали куда хуже меня. В минуту отчаяния Людовик Четырнадцатый показал «Марли» Самюэлю Бернару⁵, лишь бы выудить у него несколько миллионов; а в наши дни, при новейших законах, каждый из нас говорит, подобно Людовику Четырнадцатому: «Государство – это я».

Г-жа Меркаде. Лишь бы в такую минуту не была запятнана ваша честь! А передо мною, сударь, вы сами знаете, вам незачем оправдываться.

Меркаде. Вы жалеете моих кредиторов... Так запомните же, что мы получили их деньги лишь благодаря...

Г-жа Меркаде. Их доверчивости, сударь?

Меркаде. Их жадности, сударыня! Делец и акционер, снабжающий его деньгами, стоят друг дружки! Оба хотят разбогатеть в один миг. Я сослужил хорошую службу своим кредиторам; они еще надеются выжать из меня что-нибудь. Я пропал бы, если б не разглядел подоплеки их расчетов и страстей; а потому перед каждым из них я разыгрываю комедию сообразно с его вкусом.

Г-жа Меркаде. Но меня страшит развязка! Многие уже устали от вашей игры. Возьмите Гуляра, ведь он нас не пожалеет. Он принудит вас объявить себя банкротом...

Меркаде. Пока я жив – тому не бывать. Теперь ведь золотые прииски находятся не в Мексике, а на Биржевой площади. И я не уйду оттуда, пока не нападу на свою золотосносную жилу.

⁵ Самюэль Бернар – французский коммерсант, наживший большое состояние (1651–1739).

Явление седьмое

Те же и Гуляр.

Гуляр. Очень рад, что застал вас, дорогой мой!

Г-жа Меркаде (*в сторону*). Гуляр! Как-то он вывернется? (*Мужу.*) Огюст!

Меркаде жестом успокаивает жену.

Гуляр. Редкостный случай! Видно, и впрямь надо приниматься за дело спозаранку и пользоваться временем, пока у вас дверь отперта и нет сторожей...

Меркаде. Сторожей! Что мы – диковинные звери, что ли? Вы поистине неподражаемы.

Гуляр. Отнюдь! Пожалуйста, подражайте мне и платите долги.

Меркаде. Господин Гуляр!

Гуляр. Словами от меня не отделаешься.

Меркаде. Вам нужны действия – прекрасно, могу предложить вам, если хотите, для расчета немало акций. Я – учредитель общества...

Гуляр. Бросьте шутки, я явился сюда с намерением покончить...

Г-жа Меркаде. Покончить? Сударь, я предлагаю вам...

Меркаде. Дорогая, дайте господину Гуляру высказаться.

Гуляр здоровается с г-жой Меркаде.

Как хозяйка дома, послушайте его.

Гуляр. Простите, сударыня. Я весьма рад видеть вас, ибо ваша подпись могла бы...

Меркаде. Жена зря вмешивается в наш разговор: женщины в делах ничего не смыслят. (*Жене.*) Господин Гуляр – мой кредитор, душенька, он требует с меня свой капитал, проценты и издержки. И вы не пощадили меня, Гуляр! Вы жестоко преследуете человека, с которым делали немалые дела!

Гуляр. Дела, не всегда приносившие доход!

Меркаде. Риск есть риск! Если бы дела приносили только доход – все бы делали дела.

Гуляр. Я не за тем пришел, чтобы лишний раз убедиться в вашем остроумии. Я и без того знаю, что по этой части вы меня за пояс заткнете, ибо мои деньги у вас, а не...

Меркаде. Так ведь нужно же деньгам находиться где-нибудь. (*Жене.*) Видишь его? Травил меня, как зайца. Ну, согласитесь сами, милейший мой Гуляр, что вы поступали дурно, другой на моем месте отомстил бы вам, ведь я могу устроить так, что вы потерпите довольно чувствительный убыток...

Гуляр. Охотно верю – это если вы мне не заплатите. Но вы заплатите, в противном случае векселя будут предъявлены приставу торгового суда.

Меркаде. Ах, речь не о том, что я вам должен. Ни вам, ни мне об этом беспокоиться нечего. Я имею в виду значительно больший капитал. Меня поразило, что вы, человек столь проницательный, человек, к которому я сам охотно обратился бы за советом, впутались в такое дело! И это вы! Видно, у всякого бывают минуты затмения.

Гуляр. Ничего не понимаю!

Меркаде (*жене*). Ты просто не поверишь! (*Гуляру.*) Моя жена с годами научилась разбираться во всех тонкостях спекуляций, у нее на этот счет особое чутье! (*Жене.*) Так вот, душенька, Гуляр попался на очень крупную сумму.

Г-жа Меркаде. Сударь!

Гуляр (*в сторону*). Этот Меркаде – гений по части спекуляций; но уж не задумал ли он опять провести меня? (*Меркаде.*) Что вы имеете в виду? О чем речь?

Меркаде. Да вы сами отлично знаете, о чем! Каждый владелец акций знает, где он может поскользнуться.

Гуляр. Неужели копи «Нижней Эндры»? Так это же превосходное дело!

Меркаде. Превосходное! Только для тех, кто вчера продал...

Гуляр. Разве их продавали?

Меркаде. Тайно, без огласки. Вот увидите: сегодня эти акции станут понижаться, а завтра... О, завтра, когда все узнают, что там обнаружилось...

Гуляр. Благодарю вас, Меркаде! О наших делишках мы потолкуем после. Сударыня, честь имею кланяться...

Меркаде. Подождите, дорогой Гуляр. *(Удерживает Гуляра за руку.)* Могу сообщить вам новость, которая успокоит вас насчет...

Гуляр. Насчет чего?

Меркаде. Насчет моего долга. Я выдаю дочь замуж...

Гуляр *(освобождаясь из рук Меркаде)*. После, после.

Меркаде *(опять берет Гуляра за руку)*. Нет, не после. Жених-то миллионер.

Гуляр. Поздравляю вас... Ах, копи... Желаю ей счастья! Можете рассчитывать на меня!

Г-жа Меркаде. В отношении свадьбы?

Гуляр *(вновь высвобождает руку из руки Меркаде)*. В любых отношениях.

Меркаде. Послушайте, Гуляр! Еще словечко!

Гуляр. Нет, прощайте! Желаю вам полного успеха в этом деле.

Меркаде *(знаком подзывает Гуляра)*. Если вы согласитесь вернуть мне несколько векселей, я сообщу вам, кому можно продать акции.

Гуляр. Дорогой мой Меркаде! Я не сомневаюсь, что мы с вами сговоримся.

Меркаде *(шепотом жене)*. Видите, он уже готов обокрасть ближнего! Что же, по-вашему, честный это человек?

Гуляр. Ну, так как же?

Меркаде. Мои векселя при вас?

Гуляр. Нет.

Меркаде. Зачем же вы приходили?

Гуляр. Да я зашел узнать, как вы поживаете.

Меркаде. Слава богу, как нельзя лучше!

Гуляр. Очень рад. До свиданья.

Меркаде следует за Гуляром и пытается его удержать.

Г-жа Меркаде *(одна)*. Чудо, просто чудо!

Явление восьмое

Меркаде и г-жа Меркаде.

Меркаде (*возвращается смеясь*). Никакими силами не удержишь. Бежит, как черт от лаdana.

Г-жа Меркаде (*тоже смеется*). А вы правду ему сказали? Я уж не разбираюсь, где у вас правда, где ложь...

Меркаде. В интересах моего друга Верделена – посеять панику насчет акций «Нижней Эндры»; предприятие это до сего времени считалось сомнительным, но неожиданно-негаданно оказалось превосходным. (*В сторону.*) Если Верделену удастся сорвать это дело – мне кое-что перепадет... (*Вслух.*) Вернемся же к самому важному делу: к замужеству Жюли. Чтобы пожать все, что я посеял, требуется второй Меркаде.

Г-жа Меркаде. Ах, сударь, если бы вы взяли меня в казначей, у вас было бы уже тысяч тридцать ренты!

Меркаде. Как только у меня появятся тридцать тысяч рент, я разорен. Судите сами: если бы мы по вашему совету забились куда-нибудь в провинцию с жалкими грошами, которые нам остались после того, как это чудовище Годо облегчил нашу кассу, что бы с нами стало? Уж не там ли вы познакомились с Мерикуром, который вам так нравится и которого вы сделали своим рыцарем? Этот лев (а он действительно лев) поможет нам сбыть с рук Жюли! Бедная девочка, ее в актив никак не запишешь.

Г-жа Меркаде. Есть же разумные мужчины, они понимают, что красота недолговечна.

Меркаде. А есть еще более разумные: те понимают, что безобразие весьма долговечно.

Г-жа Меркаде. Жюли – сердечная девушка.

Меркаде. Я ведь не господин де ла Брив. Я и без вас знаю, в чем состоят отцовские обязанности. Я даже несколько встревожен внезапной страстью этого юноши; мне очень хотелось бы знать, чем он прельстился в Жюли.

Г-жа Меркаде. У Жюли прелестный голосок, она прекрасная музыкантша.

Меркаде. Может быть, он как раз из тех невежественных дилетантов, которых постоянно видишь в театре «Буфф»⁶, хотя они ни слова не понимают по-итальянски.

Г-жа Меркаде. Жюли образованна.

Меркаде. Вы, очевидно, хотите сказать, что она почитывает романы; а доказательством ее ума служит то, что она сама их не сочиняет. Надеюсь, Жюли, хоть и начиталась книг, отнесется к браку так, как должно к нему относиться, то есть по-деловому. Последние два года мы предоставили ей почти полную свободу: теперь она совсем взрослая девица.

Г-жа Меркаде. Бедная крошка, она прекрасно поняла, в каком мы плачевном положении, и решила развить в себе какой-нибудь талант, научилась расписывать фарфор, лишь бы не быть нам в тягость.

Меркаде. Вы не выполнили своих обязанностей по отношению к дочери.

Г-жа Меркаде делает изумленный жест.

Надо было родить ее красивой.

Г-жа Меркаде. Она лучше любой красавицы: она добродетельна!

Меркаде. Умна и добродетельна! Своему мужу она будет очень...

Г-жа Меркаде. Сударь!

⁶ Буфф – бытовое название театра Итальянской оперы в Париже.

Меркаде. Очень приятна. Позовите ее. Надо ей разъяснить, с какой целью мы даем нынче обед, и предложить ей отнестись к господину де ла Бриву вполне серьезно.

Г-жа Меркаде. Из-за неприятностей с лавочниками я вчера не успела поговорить с ней об этом. Сейчас приведу ее к вам; она уже встала, – она ведь встает чуть свет и сразу садится за рисование. (*Уходит.*)

Явление девятое

Меркаде один.

Меркаде. Выдать молоденькую, красивую девушку – я разумею, выдать удачно, – по нашим временам труднейшая задача. Но выдать девушку сомнительной красоты и с одними добродетелями взамен приданого... спросите у самой пронырливой мамыши, тут и сам сатана отступится. Мерикур, по-видимому, расположен к нам; жена моя пока что вертит им, как ей вздумается, – так что на сей счет я спокоен... Да, он, быть может, считает прямым своим долгом хорошо пристроить Жюли. А что касается господина де ла Брива – стоит только посмотреть, как в Елисейских полях он нахлестывает свою лошадь, стоит посмотреть на его грума, на весь его выезд, на его монокль в Опере, и даже самый требовательный отец будет удовлетворен. Мне довелось пообедать у него; прелестная квартира, превосходное серебро, позолоченные вазы с его гербами; и все это – собственное, не взятое напрокат. Кто же может заставить эдакого корифея нашей золотой молодежи жениться?.. Он, несомненно, пользуется большим успехом у женщин. Может быть, он устал от успехов?.. Кроме того, по словам Мерикура, он слышал Жюли у Дюваля, а в тот вечер она пела восхитительно... Как бы то ни было, моей дочери представляется хорошая партия. А он! Н-да-а, он...

Явление десятое

Меркаде, г-жа Меркаде и Жюли.

Г-жа Меркаде. Жюли, мы с отцом должны поговорить с тобой о предмете, всегда приятном для девушки: тебе представляется партия. Возможно, что ты выйдешь замуж, деточка...

Жюли. Возможно?.. Нет, только наверняка.

Меркаде. Девушки на выданье не ведают сомнений.

Жюли. Значит, господин Минар уже говорил с вами, папенька?

Меркаде. Господин Минар?.. А? Что такое господин Минар? Могли ли вы, сударыня, предполагать, что господин Минар завладеет сердцем вашей дочери? Уж не тот ли это мелкий чиновник, Жюли, которого неоднократно рекомендовал мне на разные должности мой бывший кассир, господин Дюваль? Бедный малый, из его родителей известна лишь мать... *(В сторону.)* Незаконный сын Годо... *(Жюли.)* Отвечайте.

Жюли. Да, папенька.

Меркаде. Вы в него влюблены?

Жюли. Да, папенька.

Меркаде. Любить мало, надо быть любимой.

Г-жа Меркаде. Он тебя любит?

Жюли. Да, маменька.

Меркаде. «Да, папенька. Да, маменька». Почему бы вам не говорить «па-ап», «ма-ам». Перезревшие девы всегда присюсюкивают, словно только что вышли из пеленок... Проявите же любезность в отношении матери и называйте ее «сударыней», дабы отметить ее свежесть и красоту.

Жюли. Хорошо, сударь.

Меркаде. Меня можете звать отцом – я-то не обижусь. А какие у вас доказательства, что он вас любит?

Жюли. Но... это само чувствуется...

Меркаде. Какие доказательства?

Жюли. Да лучшее доказательство – что он хочет на мне жениться.

Меркаде. Вот, вот! Девушки, что малые дети, такое ответят, что только руками разводишь.

Г-жа Меркаде. А вы где с ним виделись?

Жюли. Здесь, дома.

Г-жа Меркаде. Когда?

Жюли. По вечерам, когда вас не бывало дома.

Г-жа Меркаде. Он моложе вас...

Жюли. О, всего на несколько месяцев...

Г-жа Меркаде. А я-то считала, что вы достаточно рассудительны и не станете мечтать о двадцатидвухлетнем повесе, который к тому же совершенно не способен оценить ваши достоинства.

Жюли. Он первый обратил на меня внимание: если бы я его полюбила первая, он никогда бы об этом не узнал. Мы виделись с ним как-то вечером у госпожи Дюваль.

Г-жа Меркаде. Только госпожа Дюваль может принимать у себя людей, не имеющих никакого общественного положения.

Меркаде. Она решила создать салон и хочет во что бы то ни стало привлечь танцоров. Но у завязых танцоров нет будущего. В наше время все честолюбивые юноши напускают на себя важный вид и не танцуют.

Жюли. Адольф...

Меркаде. И зовут к тому же Адольфом! Вот он, наш мир! Топчется на одном месте, а еще находятся дураки, которые верят в прогресс и считают, что любая перемена к лучшему. Дети теперь менее, чем когда-либо, доверяют опытности своих отцов! Знайте же, милая барышня, что чиновник, получающий тысячу двести франков в год, не умеет любить, ибо ему некогда заниматься любовью, он должен работать. Только собственники, люди, разъезжающие в тильбюри, – словом, только праздные люди могут и умеют любить.

Г-жа Меркаде. Но, бедная девочка...

Меркаде (жене). Позвольте мне докончить. (*Жюли.*) Согласен, Жюли, я выдам тебя за твоего Минара...

Радостное движение Жюли.

Погоди! У тебя, как ты знаешь, нет ни гроша. Что станет с вами наутро после свадьбы? Подумали вы об этом?

Жюли. Да, отец.

Г-жа Меркаде. Она с ума сошла.

Меркаде (жене). Нет, она просто влюблена, бедняжка. Пусть выскажется. (*Жюли.*) Говори, Жюли, перед тобой не отец, а твой наперсник. Слушаю тебя.

Жюли. Мы будем любить друг друга.

Меркаде. Значит, амур пошлет вам на острях своих стрел купоны ренты?

Жюли. Ах, отец, мы поселимся в маленькой квартирке, в дальнем предместье, где-нибудь на пятом этаже, если потребуется; в крайнем случае я буду его служанкой... Я с радостью стану заниматься хозяйством, ведь любая мелочь в моих глазах будет иметь отношение к Адольфу... Буду работать на него, пока он работает на меня. Избавлю его от многих забот, и никогда он не заметит нашей нужды... у нас будет уютно, даже изящно. Боже мой, ведь изящество зависит от такой малости, оно исходит от души, а счастье – и дитя и мать изящного. Я могу достаточно заработать, расписывая фарфор, и не буду ему в тягость, а, наоборот, помогу ему в жизни. Да и любовь поможет нам пережить трудные дни. Адольф честолубив, как и все молодые люди с возвышенной душой, и ему, конечно, удастся...

Меркаде. Удастся холостому, а женатый должен из кожи вон лезть, чтобы рассчитаться с лавочником; гоняешься, высуня язык, за какой-нибудь тысячью франков. А он честолубив?

Жюли. Отец, у Адольфа столько воли и столько способностей, что, я уверена, в один прекрасный день он будет... министром...

Меркаде. Кто теперь не думает о министерском портфеле! Любой юнец, окончив колледж, мнит себя великим поэтом, великим оратором, великим министром – подобно тому как во времена Империи каждый достигший чина младшего лейтенанта уже видел себя маршалом Франции. Знаешь, кем будет твой Адольф? Отцом пятерых ребятишек, которые разрушат твои планы касательно труда и сбережений и доведут его превосходительство до улицы Клиши⁷, а тебя ввергнут в страшную нищету. Ты изложила мне тут роман, а не историю действительной жизни.

Г-жа Меркаде. Бедная девочка! В ее возрасте так легко принять надежды за действительность.

Меркаде. Она воображает, будто счастье в браке дается любовью. Она ошибается, подобно всем, кто возлагает вину за свои ошибки на случай – на этого ответственного изда-

⁷ ...дovedут... до улицы Клиши... – то есть до долговой тюрьмы, находящейся на этой улице.

теля всех наших бредней; тогда начинают обвинять в своей неудаче общество и потрясают его основы. Словом, все это – пустая любовная интрижка, все это не серьезно.

Жюли. Отец, и с его и с моей стороны это – настоящая любовь, и ради нее мы пожертвуем всем.

Г-жа Меркаде. Как, Жюли, ты не пожертвуешь этой зарождающейся любовью, чтобы спасти отца? Чтобы вернуть ему больше, чем жизнь, которой ты обязана ему, – вернуть честь, которую семья должна хранить незапятнанной?

Меркаде. Какая же польза от твоих обожаемых романов, несчастное дитя, если ты не извлечешь из них желания подражать той самоотверженности, которую в них проповедуют романисты? Ведь нынешние романы – это настоящие проповеди на социальные темы. Знает ли Адольф о размерах твоего приданого? Рисовала ли ты ему прекрасную картину вашей будущей жизни – пятый этаж, парк на подоконнике и одни вишни к ужину? Словом, совсем как жил некогда Жан-Жак с своей трактирной служанкой⁸.

Жюли. Отец, я не способна совершить хотя бы малейшую нескромность, которая может вам повредить.

Меркаде. Значит, он думает, что мы богачи?

Жюли. Он никогда не говорил со мною о деньгах.

Меркаде (*в сторону, жене*). Все понятно. (*Жюли.*) Напишите ему, Жюли, и немедленно: пусть он придет переговорить со мною.

⁸ ...как жил некогда Жан-Жак... – намек на философа Жан-Жака Руссо (1712–1778), женившегося на служанке Терезе Левассер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.